

М.Ю. Шматов*

M.Yu. Shmatov*

**Мобилизованное прошлое:
политика памяти и ее восприятие
в идеологических кампаниях
в Западной Сибири (1934–1939)**

**The Mobilized Past:
the Memory Policy and Its Perception
in Ideological Campaigns
in Western Siberia (1934–1939)**

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-11

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-11

УДК 93

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Шматов М.Ю. Мобилизованное прошлое: политика памяти и ее восприятие в идеологических кампаниях в Западной Сибири (1934–1939) // Исторический курьер. 2022. № 1 (21). С. 116–123. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-11.pdf>

Shmatov M.Yu. The Mobilized Past: the Memory Policy and Its Perception in Ideological Campaigns in Western Siberia (1934–1939) // Historical Courier, 2022, No. 1 (21), pp. 116–123. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-11.pdf>]

Abstract. The article is devoted to the problems of memory policy in the USSR of the second half of the 1930s. The correlation of officially broadcast ideological images of the past with the ideological attitudes of ordinary Soviet citizens has been studied on the materials of Western Siberia. Two main goals of using images of the past in the mobilization campaigns of 1934–1939 were identified: proving the regularity of the Bolsheviks' coming to power and contrasting Soviet modernity with the pre-revolutionary past. The circle of positive and negative images of events and historical figures in Soviet propaganda is studied. It is proved that the images of progressive figures who "confirmed" the rightness of the Bolsheviks were positive; the images of "enemies" of revolutions and "working people" were negative. The main forms of using images of the past in propaganda are established: separate anniversary campaigns and secondary support of the main political campaigns. The causes of memory conflicts during the ideological influence of the population – misunderstanding, distrust, disagreement and inattention are investigated. The social, value and ideological causes of conflicts are established, their forms are considered. The conclusion is made about the forced and unstable nature of the implementation of the memory policy, about its utilitarian purpose and about the relatively weak mutual influence of the memory policy and personal images of the past in the Soviet society. The thesis is formulated about the parallel existence in the USSR society of official narratives about the past and multiple personal images of history – both national, local and family.

Keywords: Stalinism, memory politics, ideology, campaign, Western Siberia, perception.

The article has been received by the editor on 01.12.2021.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена проблематике политики памяти в СССР второй половины 1930-х гг. На материалах Западной Сибири изучено соотношение официально транслируемых идеологических образов прошлого с мировоззренческими установками рядовых советских граждан. Выявлены две основные цели привлечения образов прошлого в мобилизационных кампаниях 1934–1939 гг.: доказательство закономерности прихода большевиков к власти и противопоставление советской современности дореволюционному прошлому. Изучен круг позитивных и негативных образов событий и исторических деятелей в советской пропаганде. Доказано, что позитивными были образы прогрессивных деятелей,

* **Шматов Михаил Юрьевич**, преподаватель отечественной истории, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: shmatov2009@yandex.ru
Shmatov Mikhail Yurievich, Educator of Russian History, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: shmatov2009@yandex.ru

«подтверждавших» правоту большевиков; негативными были образы «врагов» революций и «трудового народа». Установлены основные формы привлечения образов прошлого в пропаганде: отдельные юбилейные кампании и второстепенное сопровождение основных политических кампаний. Исследованы причины конфликтов памяти в ходе идеологического воздействия населения – непонимание, недоверие, несогласие и невнимание. Установлены социальные, ценностные и мировоззренческие причины конфликтов, рассмотрены их формы. Сделан вывод о форсированном и неустойчивом характере реализации политики памяти, ее утилитарном назначении и относительно слабом взаимном влиянии политики памяти и личных образов прошлого в советском социуме. Сформулирован тезис о параллельном существовании в социуме СССР официальных нарративов о прошлом и множественных личных образов истории – как общегосударственной, так и локальной и семейной.

Ключевые слова: сталинизм, политика памяти, идеология, кампания, Западная Сибирь, восприятие.

К середине 1930-х гг. в СССР сформировался персоналистский политический режим И.В. Сталина, который и современники, и впоследствии историки считали новым и не имевшим прецедентов в истории¹. В то же время 26 января 1934 г. в отчетном докладе на открывшемся XVII съезде ВКП(б) И.В. Сталин (помимо победных реляций о достижениях социализма) вспомнил и об истории XIX в., и даже о «старом Риме», который «с грохотом опрокинули» варвары².

1934 г. стал значимой вехой в отношении большевиков к историческому прошлому России. Декларируя успехи в настоящем и приближение «светлого будущего», партийно-государственная система все активнее стала использовать образы прошлого в практиках политпросвещения, образования и социальной мобилизации. В этом же году совместным постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 15 мая был сформулирован концепт «гражданской» (т.е. непартийной) истории для преподавания в школе³.

Последующие пять лет между XVII и XVIII партийными съездами стали периодом массовых политических кампаний с целью легитимации большевистского режима и социальной мобилизации как советских граждан, так и всевозможных «друзей СССР» за рубежом. В 1936 г. в течение шести месяцев проходила кампания по «всенародному изучению и обсуждению» проекта «сталинской» Конституции СССР. Затем в 1937–1938 гг. был осуществлен цикл электоральных кампаний – выборы в Верховный Совет СССР (12 декабря 1937 г.) и в Верховные Советы союзных республик, включая РСФСР (26 июня 1938 г.). Обращенные в ближайшее будущее, эти кампании сопровождались использованием исторических образов. При этом информационное, идеологическое и когнитивное воздействие акторов кампаний на целевую аудиторию сталкивалось с индивидуальными и коллективными взглядами советских граждан на прошлое⁴, иногда вступая с ними в противоречия, а иногда в «симбиоз».

Проблемным выступает вопрос о соотношении идеологизированных конструктов прошлого, транслируемых институтами партийного государства, с бытовавшими в советском социуме представлениями об истории страны, ее отдельных регионов, а также мира в целом. Актуальность этого вопроса вызвана дискуссиями об особенностях идеологии сталинизма, о причинах ее результативности среди современников и определенной популярности даже в наши дни.

Историография вопроса обширна – первые труды о роли истории в практиках сталинизма были созданы еще современниками событий – как профессиональными советскими идео-

¹ Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 7–10, 35.

² Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М., 1951. С. 282–286.

³ Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1934. 16 мая.

⁴ Медушевский А.Н. Как Сталину удалось обмануть Запад: принятие Конституции 1936 года с позиций политического пиара // Общественные науки и современность. 2016. № 3. С. 122–138.

логами (Б.С. Утевский)⁵, так и аналитиками-публицистами из числа эмигрантов (Н.С. Тимашев)⁶. Современные исследователи истории советской идеологии занимают две позиции, дискуссионные по отношению друг к другу. Первая относится к так называемой «тоталитарной школе» советологии и состоит в том, что история как часть идеологии была одним из инструментов воздействия тоталитарного государства на духовную сферу жизни советских людей⁷. Вторая – «ревизионистская», напротив, базируется на тезисе о зависимости советской идеологии от исторической памяти советских граждан (и просто их памяти о досоветском прошлом); последователи такой позиции считают, что идеологические практики сталинизма попадали под влияние социальных настроений, поэтому большевики были вынуждены корректировать свой идеологический курс⁸. Промежуточную позицию занимают исследователи советской модерности из поколения начала XXI в.: они считают взаимосвязанными конструирование сталинизмом симулякров советской истории и традиционные взгляды рядовых граждан на прошлое. Ключевую роль в развитии этой концепции играют труды историка идеологии Д. Бранденбергера⁹.

Цель нашего исследования – проанализировать соотношение социальных образов прошлого с идеологическими симулякрами истории («мобилизованное прошлое») в рамках Западно-Сибирского края (с 1937 г. – Новосибирской области и Алтайского края), динамично развивавшегося в 1930-х гг. региона СССР со сложной историей (от опыта освоения, каторги и ссылки до событий Гражданской войны и нэпа).

В середине 1930-х гг. в Западно-Сибирском крае проживало более 6 млн человек¹⁰. Среднестатистический зрелый житель Западной Сибири второй половины 1930-х гг. в возрасте 30–40 лет – это человек с колоссальным личным историческим опытом, заставший смену нескольких форм правления, революционных переворотов и «колебаний генеральной линии партии» после окончательного утверждения советской власти. Такой опыт, с одной стороны, формировал весьма широкие личные представления о практиках и сущности разных политических режимов, а с другой – повергал советских людей в иллюзии относительно утвердившегося сталинизма: репрессивные и мобилизационные практики «Великого перелома» 1929–1933 гг. многие люди считали такими же временными явлениями, как Гражданская война или военный коммунизм, поэтому в период конституционно-электоральных кампаний граждане имели все основания верить в либерализацию политического курса (как это было ранее в период нэпа)¹¹.

С другой стороны, к середине и второй половине 1930-х гг. сформировалось поколение молодых и идеологизированных советских людей, знавших о совсем недавнем прошлом лишь из советского агитпропа, а также, возможно, из рассказов более старших родственников и знакомых. Среди молодых людей от 16 до 27 лет было гораздо больше рядовых агентов идеологических кампаний в городах и сельской местности. Эти люди, не обремененные собственным историческим опытом и зачастую не лишенные максимализма, были одними из главных трансляторов официальных идеологических установок. На прошедшей в конце 1937 г. в Новосибирске I Областной конференции ВЛКСМ таких людей называли «авангардом» и «орлятами» мобилизации¹² (выражаясь более современными терминами, их можно назвать «ястребами»). Столкновение позиций «отцов и детей» нередко вызывало конфликты – речь об этом пойдет далее.

Взаимодействие официальной идеологии с личным опытом и мировоззрением следует назвать *конфликтами памяти*. Нейтральные, а часто и позитивные воспоминания рядовых

⁵ Утевский Б.С. Две демократии. М., 1935. С. 19–30.

⁶ Timasheff N. The Great Retreat. New York, 1946. P. 43.

⁷ Малиа М. Советская трагедия: История социализма в СССР. 1917–1991. М., 2002.

⁸ Шлёгел К. Террор и мечта. Москва 1937. М., 2011.

⁹ Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941. М., 2017.

¹⁰ Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М., 1991. С. 56–57.

¹¹ Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа... С. 68–72.

¹² Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-190. Оп. 1. Д. 1. Л. 43–46.

граждан о «проклятом прошлом» вступали в жесткие противоречия с официальной идеологией. Важно отметить, что как таковой официальной исторической политики в СССР 1930-х гг. не существовало – по крайней мере не найдены документы, подтверждающие трансформации в области политики памяти. Тем не менее еще эмигрантский публицист Н.С. Тимашев в 1946 г. посвятил книгу «Великое отступление» отходу И.В. Сталина и его соратников от большевистской «Доктрины» в сторону национально-патриотических исторических образов¹³. Затем эту концепцию развил Д. Бранденбергер, научно обосновавший теорию «национал-большевизма» как слияние коммунистической и патриотической риторик¹⁴. В идеологических практиках большевиков это «отступление» проявлялось в реабилитации ряда героических событий и персоналий прошлого (параллельно с разгромом «революционной» научной школы М.Н. Покровского) и в популяризации дореволюционной культуры русских и других народов СССР через наследие А.С. Пушкина, Т.Г. Шевченко, Ш. Руставели и др.¹⁵

Возможно выделить две основные цели, с которыми большевики обращались к памяти о прошлом: *аргументация закономерностей* и *антитеза*. Первая цель – продемонстрировать историческую логичность мероприятий, проводимых советским руководством. Будучи «историческими материалистами», марксисты доказывали предопределенность наступления социализма как формационного перехода от уходящего в прошлое капитализма к будущему коммунизму. В реалиях Западной Сибири индустриализация края аргументировалась тем, что ее «предрекал великий русский ученый Михайло Ломоносов» и «начинала еще Петровская эпоха»¹⁶; успехи в развитии авиации и региональных воздушных маршрутов связывали с трудами дореволюционных русских ученых и изобретателей, а приходу большевиков к власти «предшествовало» восстание Е. Пугачёва в XVIII в. и киргизское восстание 1916 г. в Средней Азии¹⁷. Целевыми аудиториями такого идеологического воздействия были группы колхозного крестьянства, интеллигенции, а также не в последнюю очередь этнические меньшинства Западной Сибири – например, казахи или ойроты.

Мобилизация прошлого для создания антитезы, конечно, была связана с легитимацией большевиков и их практик путем сравнения «прекрасного» настоящего с «проклятым» прошлым. Контент-анализ материалов региональных периодических изданий «Советская Сибирь» и «Большевистская смена» (краевая/областная комсомольская газета) показывает, что негативные образы прошлого в пропаганде встречаются приблизительно в 2,5 раза больше, чем позитивные¹⁸. Однако с 1937 г. динамика положительных оценок прошлого возрастает – это связано с годовщиной гибели А.С. Пушкина, а затем – с выходом художественного фильма «Александр Невский»¹⁹. «Очернение» прошлого было одной из наиболее простых, а потому популярных форм легитимации большевизма – порой критика дореволюционного, «колчаковского» и «нэпманского» периодов осуществлялась с привлечением данных экономической и социальной статистики, однако чаще всего эта критика носила эмоциональный и иррациональный характер²⁰: в оценках прошлого звучали манихейские эпитеты «черное», «мрачное», «проклятое», «страшное» и т.п. Критике дореволюционное «темное прошлое» подверглось даже во время обсуждения в прессе солнечного затмения

¹³ Timasheff N. The Great Retreat... P. 50.

¹⁴ Бранденбергер Д. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). М., 2009.

¹⁵ Шлёгел К. Террор и мечта... С. 460–465.

¹⁶ Советская Сибирь. 1937. 29 сентября.

¹⁷ Бранденбергер Д. Национал-большевизм...

¹⁸ Подсчитано по материалам 252 номеров газеты «Советская Сибирь» с 1 февраля 1934 г. по 1 мая 1939 г. и 15 номеров газеты «Большевистская смена» (1936–1938 гг.).

¹⁹ Шлёгел К. Террор и мечта... С. 467.

²⁰ Подсчитано методом контент-анализа по публицистическим материалам газеты «Советская Сибирь», делопроизводственным документам Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) (Ф. Р-7522), ГАНУ (Ф. П-190, Р-1020).

1936 г.: авторы писем в газету «Советская Сибирь» высмеивали страхи дореволюционных крестьян перед этим природным явлением²¹.

Ко второй половине 1930-х гг. сложились «пантеон» и «пандемониум» исторических деятелей дореволюционной, революционной и советской истории. В ряды положительных дореволюционных героев вошли «прогрессивные» личности: лидеры народных движений и революционеры, ученые, реже полководцы; монархи в этом «пантеоне» по понятным причинам встречаются крайне нечасто, а появление их связано с военной деятельностью и прогрессивными государственными реформами. Чаще всего в списке позитивных правителей фигурирует Александр Невский (более 30 упоминаний), реже Петр I (5 упоминаний) и Иван IV Грозный (2 упоминания). Число негативных образов в дореволюционной эпохе намного больше – это и большинство монархов (включая всех правителей России XIX в.), и собирательные «помещики и капиталисты», и консервативные политики – «душители свобод» (чаще других среди них фигурирует П.А. Столыпин).

Позитивные деятели революционных и советских периодов – это, в первую очередь, соратники И.В. Сталина, которых для легитимности именовали «Ленинскими учениками». Кроме того, в революционный «пантеон» попали погибшие в годы Гражданской войны или умершие в 1920-х гг. известные «народные» деятели: В.И. Чапаев, Н.А. Щорс, П.Е. Щетинкин. Что касается негативных образов, то, помимо деятелей белого движения (и гораздо чаще), в рядах «антигероев» фигурируют «предатели» («иудушки») из числа большевиков (Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, Н.И. Бухарин и др.) и социал-демократов («рекордсмен» по проклятиям в этом списке – оппонент В.И. Ленина, «ренегат» К. Каутский)²². Список «героев» и «антигероев» революции окончательно утвердился в вышедшем в 1938 г. учебнике «История ВКП(б). Краткий курс».

Мероприятия политики памяти в Западной Сибири осуществлялись в двух формах: отдельные *самостоятельные кампании* и *идеологическое сопровождение* основных кампаний. Первая форма – это юбилеи и памятные даты, отмечавшиеся в виде массовых мероприятий, публичных чтений и серий публикаций в прессе. Это могли быть как даты памяти исторических деятелей (например, А.С. Пушкина в 1937 г.), так и юбилеи важных для советской истории событий (празднование 20-летия освобождения Сибири от «колчаковщины» в 1939 г.).

Гораздо чаще агитаторы и пропагандисты обращались к образам прошлого в ходе мероприятий более крупных кампаний. Например, в ходе обсуждения конституционного проекта сам факт принятия «самой демократической» Конституции агенты кампаний противопоставляли самодержавию Российской империи, «ложному демократизму февраля [1917 г.] и колчаковских бандитов»²³. Сам И.В. Сталин в отчетном докладе на Чрезвычайном VII Всесоюзном Съезде Советов 25 ноября 1936 г. сравнивал историческую ситуацию перед принятием Конституции СССР 1924 г. с положением дел в 1936 г.²⁴

В ходе электоральных кампаний 1937–1938 гг. еще активнее осуществлялось идеологическое сопровождение с использованием образов прошлого, чаще всего в формате антитезы: заявлений о том, что в «царские времена не давали голосовать» (кстати, о Государственной Думе времен Николая II агитаторы предпочитали не вспоминать либо заявляли о том, что «в ней сидели одни капиталисты и помещики»)²⁵. Использование образов прошлого в таких случаях носило редуцированный, ситуативный характер – определенные факты из истории привлекались (часто в искаженном виде) для аргументации сиюминутных политических тезисов. Иными словами, политика памяти осуществлялась в таком же кампанейском –

²¹ Советская Сибирь. 1937. 12 июня.

²² Подсчитано методом контент-анализа по публицистическим материалам газет «Правда», «Советская Сибирь», делопроизводственным документам Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) (Ф. Р-7522), ГАНО (Ф. П-190, Р-1020).

²³ ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 1. Д. 43. Л. 2, 7.

²⁴ Сталин И.В. О проекте Конституции Союза ССР: Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 года // Правда. 1936. 26 ноября.

²⁵ ГАНО. Ф. П-190. Оп. 1. Д. 1. Л. 36.

форсированном и мобилизационном – формате, что и другие массовые идеологические акции.

Такой формат специфически отражался в восприятии целевых аудиторий. Это восприятие зависело от возраста, социального статуса и личного опыта граждан, но в целом его можно назвать *конфликтным восприятием*. Конфликт как столкновение мнений, интерпретаций и ценностей возникал по нескольким основным причинам: *несогласие, недоверие, непонимание и невнимание*.

Количественно проявления *несогласия* не слишком часты, однако, как правило, яркие и детально отражены в источниках, в первую очередь делопроизводственных (отчеты партийных, советских, профсоюзных и комсомольских органов и спецсводки агентов управления НКВД). Несогласие с официально транслируемыми установками и образами могло быть вызвано специальными историческими знаниями представителя целевой аудитории – представителя интеллигенции, студента и даже школьника, который мог «защищать» дореволюционное прошлое, ссылаясь на позитивные образы из школьной литературы²⁶. Однако чаще всего причиной несогласия становился личный опыт человека или группы лиц. Например, в 1937 г. участники партизанского движения времен Гражданской войны из Барнаула и нескольких алтайских сел отказывались верить в проникновение троцкистов в ряды партизан, многие из которых были репрессированы в 1930-х гг. Некоторые представители эстонских, ойротских и казахских колхозников из Тогучинского района Западно-Сибирского края и с Горного Алтая во время обсуждения конституционного проекта вспоминали, что «при царе и баях тоже жилось неплохо» и даже заявляли, что «многое можно бы вернуть, а колхоз отменить». Ряд взрослых квалифицированных рабочих предприятий Новосибирска и Томска также в ходе конституционной кампании призывали «посмотреть лучше на опыт прежних лет», имея в виду нэп²⁷. Скорее всего, такие смелые суждения высказывались потому, что, имея большой личный опыт, связанный с социальными трансформациями, эти люди верили в подлинный реформизм сталинского конституционного проекта.

Недоверие в первую очередь было вызвано неуверенностью граждан в правдивости пропаганды, а также личным опытом (в отличие от несогласия, которое как раз базировалось на уверенности граждан в своей правоте). Нередко проявления недоверия увязывались с прецедентами локальной истории. Так, в том же 1936 г. крестьянин Маслянинского района заявил, что, несмотря на «ужас царизма», его «край процветал», а значит, «не везде было худо»²⁸. Такая позиция связана с действительно успешным экономическим развитием этой местности в позднеимперский период, когда среди крестьян росло число артелей и кооперативных организаций. Кроме того, основанием для недоверия становилась история семьи: «кулаки лютовали, но отец мой помогал бедным и давал труд лентяям»²⁹, – говорил житель Алейского района на Алтае. Нередко активистам не доверяли по причине их молодого возраста или низкого авторитета среди населения, особенно в небольших деревнях: «молоко не обсохло, а уже ученый пионер», – говорили об активисте комсомольской организации Каргатского района³⁰. Особую категорию «недоверяющих» составляли верующие, особенно активисты приходских советов, которые в 1936–1938 гг. вели неравную, но активную борьбу против закрытия церквей. Словам агитаторов и партийно-советских функционеров они не верили, аргументируя это их нечестной политикой по отношению к общинам верующих: «ругает крепостников, а сам кричит, как помещик на чернь!» – жаловалась в неопубликованном письме в «Советскую Сибирь» секретарь приходского совета из Куйбышева³¹.

²⁶ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 114. Д. 24. Л. 11.

²⁷ ГАНУ. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 2993. Л. 6, 15, 18.

²⁸ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 114. Д. 24. Л. 12.

²⁹ Алтайская правда. 1938. 25 июня.

³⁰ ГАНУ. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 2994. Л. 32.

³¹ Там же. Д. 2996. Л. 45.

Причиной *непонимания* чаще всего становились коммуникативные неудачи в общении акторов кампаний и рядовых граждан. Это было вызвано низким уровнем образования и специальных знаний (как представителей целевой аудитории, так и самих активистов, часто молодых, плохо образованных людей). Кроме того, форсированность кампаний зачастую не позволяла вникнуть в сложные исторические факты. Дискурсивным маркером непонимания служат слова «не понимаю», «не знаю», «трудно разобрать». Часто люди сетовали на свою неграмотность, при этом проявляя интерес к самой теме обсуждения, однако гораздо чаще активисты сталкивались с феноменом *невнимания*, который следует охарактеризовать как интеллектуальный и психологический *конформизм*. Погруженные в собственные повседневные проблемы рядовые рабочие и колхозники зачастую не имели ни сил, ни желания разбираться в идеологических тонкостях, зачастую им совершенно неинтересных. Исследователь позднесоветской эпохи А. Юрчак называл такую безучастность при видимости участия «*внезаходимостью*» – этим термином вполне можно охарактеризовать массовый конформизм в ходе идеологических кампаний³². Усталые, опасющиеся «сказать лишнее» и обремененные другими – хозяйственно-экономическими – задачами люди отправляли на периферию своего внимания тонкости гуманитарной науки (даже в самом редуцированном и идеологизированном виде).

Конфликты по всем четырем причинам, как правило, носили мягкий характер. И хотя даже простое вербальное несогласие с функционером часто преподносилось в отчетах как «контрреволюционная вылазка», о «войнах памяти» в советском социуме 1930-х гг. говорить не приходится. Речь идет именно о *конфликтах памяти*, когда в социальном мировоззрении сложились фактически две картины прошлого, лишь частично пересекающиеся друг с другом: *официальный нарратив* (не полностью устойчивый, утилитарный и агрессивно транслируемый) и *личная память* (индивидуализированная, субъективная, не всегда подверженная идеологии, но и не стремящаяся корректировать ее). Голоса людей, имевших свой взгляд на прошлое, конечно, фиксировались, но говорить об их влиянии на официальный нарратив не представляется возможным – скорее, этот нарратив медленно изменялся в практических интересах государства (как эти интересы видели большевики).

Итак, во второй половине 1930-х гг. в рамках идеологической мобилизации населения СССР большевики активно, но несколько бессистемно применяли образы прошлого для легитимации своей политики в настоящем, используя яркие образы, часто с региональной спецификой. Носившая утилитарный и кампанейский характер мобилизация прошлого встречала определенный отклик среди групп населения в виде активизма, выразившегося в воспроизведении идеологием. Таким образом, официальный дискурс воспроизводился и самовоспроизводился, формируя новый симулякр прошлого³³, приверженцы которого существуют до сих пор. В то же время современники по разным причинам не воспринимали официозные нарративы или воспринимали их искаженно. Причиной были как личные знания и индивидуальный опыт, так и незнание, отсутствие интереса или интеллектуальных возможностей для усвоения нарратива. При нестабильном и форсированном осуществлении политики памяти результат был противоречив – при внешней лояльности сохранялась скрытая конфликтность во взглядах, которая служила сохранению многогранности картины прошлого среди разных групп советского населения.

Литература

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: ПОСТУМ, 2015. 240 с.

Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941. М.: РОССПЭН, 2017. 367 с.

³² Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2019. С. 87.

³³ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М., 2015. С. 40.

Бранденбергер Д. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). СПб.: Издательство ДНК, 2009. 416 с.

Всесоюзная перепись населения 1937 г.: краткие итоги. / сост. Н.А. Араловец и др.; вступ. ст. В.Б. Жиромской, И.Н. Киселева; авт. коммент. Я.Е. Водарский и др. М.: Ин-т истории СССР, 1991. 238 с.

Малия М. Советская трагедия: История социализма в СССР. 1917–1991. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. 584 с.

Медушевский А.Н. Как Сталину удалось обмануть Запад: принятие Конституции 1936 года с позиций политического пиара // Общественные науки и современность. 2016. № 3. С. 122–138.

Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. 428 с.

Утевский Б.С. Две демократии. М.: Изд-во ЦК МОПР, 1935. 56 с.

Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 479 с.

Шлёгель К. Террор и мечта. Москва 1937. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 742 с.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 604 с.

Timasheff N. The Great Retreat. New York: E.P. Dutton & Co. Inc., 1946. 462 p.

References

Aralovets, N.A. (Comp.). (1991). Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 g.: kratkie itogi [All-Union Population Census of 1937: Summary Results]. Moscow, Institut istorii SSSR. 238 p.

Bodriyar, G. (2015). Simulyakry i simulyatsii [Simulacra and Simulations]. Moscow, POSTUM. 240 p.

Brandenberger, D. (2009). National-bolshevizm. Stalinskaya massovaya kultura i formirovanie russkogo natsionalnogo samosoznaniya (1931–1956) [National Bolshevism. Stalinist Mass Culture and the Foundation of Modern Russian National Identity, 1931–1956]. St. Petersburg, DNK. 416 p.

Brandenberger, D. (2017). Krisis stalinskogo agitpropa: propaganda, politprosvescheniye i terror v SSSR, 1927–1941 gg. [The Crisis of Stalin's Agitprop: Propaganda, Political Enlightenment and Terror in the USSR, 1927–1941]. Moscow, ROSSPEN. 367 p.

Khlevnyuk, O.V. (2010). Khozyain. Stalin i utverzhdniye stalinskoy diktatury [The Owner. Stalin and the Foundation of Stalinist Dictatorship]. Moscow, ROSSPEN. 479 p.

Malia, M. (2002). Sovetskaya tragediya: Istoriya sotsializma v SSSR. 1917–1991 [Soviet Tragedy: The History of Socialism in the USSR. 1917–1991] Moscow, Rossiyskaya politicheskaya enciklopediya. 584 p.

Medushevskiy, A.N. (2016). Kak Stalinu udalos' obmanut' Zadad: prinyatie Konstitutsii 1936 goda s pozitsiy politicheskogo piara [How Stalin Managed to Deceive the West: the Adoption of the 1936 Constitution from the Standpoint of Political PR]. In *Obschestvenniye nauki i sovremennost'*. No. 3, pp. 122–138.

Shlyogel', K. (2011). Terror i mechta [The Terror and the Dream]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). 742 p.

Stalin, I.V. (1951). Sochineniya [Essays]. Vol. 14. Moscow, Gospolitizdat. 428 p.

Timasheff, N. (1946). The Great Retreat. New York, E.P. Dutton & Co. Inc. 462 p.

Utevskiy, B.S. (1935). Dve demokratii [Two Democracies]. Moscow, TsK MOPR. 56 p.

Yurchak, A. (2019). Eto bilo navsegda, poka ne konchilos'. Posledneye sovetskoye pokoleniye [It Was Forever Until It Was Over. The Last Soviet Generation]. Moscow, Novoye literaturnoye obozrenie. 604 p.

Статья поступила в редакцию 01.12.2021 г.